

ШИРЛИ ДЖЕКсон

*ПРИЗРАК ДОМА
НА ХОЛМЕ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д40

Серия «Эксклюзивная классика»

Shirley Jackson
THE HAUNTING OF HILL HOUSE

Перевод с английского *Е. Доброхотовой-Майковой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Печатается с разрешения литературных агентств
А.М. Heath и Andrew Nurnberg.

Джексон, Ширли.

Д40 Призрак дома на холме : [роман] / Ширли Джексон ; [перевод с английского Е. М. Доброхотовой-Майковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-119355-3

Одна из самых известных историй о доме с привидениями, ставшая вдохновением для сериала Netflix.

Старинный особняк на холме приносит его обитателям одни несчастья. Никто не рискует здесь не то, что жить, даже оставаться на ночь – говорят, Хилл-хаус стал пристанищем привидений.

Но однажды тишину дома нарушает шумная компания: доктор Монтегю, исследователь паранормальных явлений; Теодора, его беззаботная помощница; Элинор, хрупкая девушка, не понаслышке знакомая с полтергейстами; и Люк – будущий наследник Хилл-хауса. Никто даже не подозревает, каким кошмаром обернется их поездка...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Shirley Jackson, 1959
© Перевод. Е. Доброхотова-Майкова,
2018
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-119355-3

Леонарду Брауну

1

1

Ни один живой организм не может долго существовать в условиях абсолютной реальности и не сойти с ума; говорят, сны снятся даже кузнецикам и жаворонкам. Хилл-хаус, недремлющий, безумный, стоял на отшибе среди холмов, заключая в себе тьму; он стоял здесь восемьдесят лет и вполне мог простоять еще столько же. Его кирпичи плотно прилегали один к другому, доски не скрипели, двери не хлопали; на лестницах и в галереях лежала незыблемая тишь, и то, что обитало внутри, обитало там в одиночестве.

Доктор Джон Монтегю формально считался антропологом; он защитил диссертацию в этой области из смутного чувства, что она наиболее близка к подлинному делу его жизни — изучению сверхъестественных явлений. Исследования доктора Монтегю были крайне далеки от науки, и лишь ученая степень могла придать им если не вес, то хоть некое подобие респек-

табельности, поэтому он никогда не забывал подчеркнуть свое звание. Арендовав Хилл-хаус на три месяца — со значительным ущербом для кошелька и гордости (ибо не любил униженно просить), — он твердо рассчитывал возместить потраченное сенсацией, которую вызовет его итоговая работа о причинах и формах парапсихологических феноменов в домах, обычно называемых «нехорошими». Всю жизнь он искал настоящий дом с привидениями и, услышав про Хилл-хаус, сперва засомневался, затем ощутил проблеск надежды и, наконец, рьяно взялся за дело: не в его характере было отступать перед трудностями, если впереди маячит достойная цель.

Доктор Монтегю намеревался позаимствовать методику у бесстрашных охотников за привидениями девятнадцатого столетия: он поселится в Хилл-хаусе и своими глазами увидит, что там происходит. В идеале следовало бы повторить эксперимент неназванной дамы, которая на целое лето собрала в Баллехин-хаусе* скептиков и убежденных сторонников сверхъестественно-

* Баллехин-хаус — усадьба в Пертшире. Выстроена в 1806 году, сгорела в 1963-м; пользовалась репутацией «самого нехорошего дома в Шотландии». По слухам, там происходили различные сверхъестественные события, включая явления духа умершей монахини. Общество паранормальных исследований сняло дом на длительный срок и в 1899 году опубликовало в газетах подробный отчет о своих наблюдениях.

го, — гости отдыхали на лоне природы, играли в крокет и в довершение удовольствия наблюдали за привидениями. Однако в наши дни скептики, убежденные сторонники сверхъестественного и хорошие игроки в крокет почти перевелись, и доктор Монтегю был вынужден нанять ассистентов. Возможно, неспешность викторианской жизни более способствовала подобным методам исследования, а возможно, тщательная фиксация паранормальных явлений как способ установить их достоверность в значительной степени себя изжила; так или иначе, ассистентов пришлось нанять за деньги.

К работе он приступил со всей ответственностью и добросовестностью: прошерстил архивы парапсихологических обществ, подшивки скандальных газет и отчеты экстрасенсов; в итоге получился список людей, которые так или иначе, в то или иное время, пусть на короткий срок либо при неподтвержденных обстоятельствах соприкасались с потусторонним. Из списка доктор Монтегю в первую очередь вычеркнул тех, кто уже умер. Потом — тех, кого счел обманщиками либо слабоумными, а также тех, кто не подходил для его целей, поскольку явно стремился привлечь все внимание к себе. Осталось человек десять-двенадцать. Все они получили от доктора Монтегю приглашение провести лето либо часть лета в уютной сельской усадьбе, старой, однако со всеми удобствами: канализацией, электричеством, центральным отоплением и чистыми по-

стелями. Цель — недвусмысленно объяснялось в письме — проверить сомнительные слухи, окружающие дом на протяжении всей его восьмидесятилетней истории.

Доктор Монтегю не писал открыто, что Хилл-хаус — дом с привидениями, поскольку был ученым и не смел верить в свою удачу, пока лично не засвидетельствует там аномальные явления. Таким образом, письма содержали некую сдержанную двусмысленность, которая гарантированно должна была возбудить любопытство у строго определенной категории читателей. Доктор Монтегю получил четыре ответа: остальные кандидаты либо переехали, не оставив нового адреса, либо утратили вкус к сверхъестественному, либо просто никогда не существовали. Четверем ответившим доктор Монтегю написал снова: указал, с какого числа Хилл-хаус официально ждет гостей, и привел подробные инструкции, как туда добраться, поскольку (вынужден он был объяснить) местное население сведения о доме сообщает крайне неохотно. За день до отъезда доктора Монтегю убедили включить в число избранных еще и представителя семьи владельцев. Тогда же пришла телеграмма от одного из кандидатов, в которой тот под явно вымышленным предлогом отказывался участвовать в мероприятии. Еще один кандидат не явился и не написал — возможно, из-за непредвиденных личных обстоятельств. Остальные двое приехали.

Элино́р Венс ко времени поездки в Хилл-хаус исполнилось тридцать два, и после смерти матери она по-настоящему ненавидела только одного человека — старшую сестру. К мужу сестры и пятилетней племяннице она питала стойкую антипатию, друзьями так и не обзавелась, главным образом потому, что последние одиннадцать лет ухаживала за лежащей матерью, в результате чего приобрела навыки профессиональной сиделки и привычку моргать от яркого света. Во всей ее взрослой жизни не было и одной по-настоящему счастливой минуты: годы с матерью прилежно складывались из мелких провинностей и мелких упреков, постоянной усталости и нескончаемого отчаяния. Вовсе не желая становиться робкой и застенчивой, Элино́р столько времени провела в одиночестве, без людей, которых могла бы полюбить, что в разговорах, даже самых незначительных, вечно смущалась и с трудом подыскивала слова.

В список доктора Монтегю она попала из-за давнего происшествия: когда им с сестрой было двенадцать и восемнадцать соответственно, меньше чем через месяц после смерти отца на их дом без всякого предупреждения и без всякой видимой цели обрушился град камней, которые падали с потолка, громко скатывались по стенам, разбивали окна и молотили по крыше. Камне-

пад продолжался без остановки три дня. Все это время Элинор и ее сестру нервировали не столько камни, сколько ежедневная толпа зевак перед крыльцом и беспочвенные, истерические уверения матери, что несчастье вызвано злобой завистливых соседей, якобы возненавидевших ее с самого приезда. На четвертый вечер Элинор и сестру отправили ночевать к знакомым, после чего камнепад прекратился и больше не возобновлялся, хотя Элинор с матерью и сестрой продолжали жить в доме, а вражда с соседями сохранила прежний накал. Историю забыли все, за исключением людей, с которыми консультировался доктор Монтегю, и уж точно забыли Элинор и ее сестра, во время самих событий тайно винившие друг дружку.

Всю жизнь Элинор подспудно ждала чего-то вроде Хилл-хауса. Ухаживая за матерью, перекладывая раздражительную старуху с инвалидного кресла в постель, бесконечно таская подносики с овсянкой или бульоном, перебарывая брезгливость, чтобы приступить к стирке, она держалась исключительно верой: что-то должно произойти. На приглашение пожить в Хилл-хаусе она ответила с той же почтой, хотя муж сестры и требовал прежде навести справки — не собирается ли так называемый доктор вовлечь Элинор в языческие ритуалы, связанные с тем, о чем, по мнению его жены, незамужней девушке знать не положено. Быть может, шептала сестра в супружеской спальне, где никто, кроме мужа, ее не слышал, доктор

Монтегю — если это его настоящее имя, — быть может, доктор Монтегю использует женщин для неких... хм... опытов, ну, ты понимаешь, какие опыты я имею в виду (подобные опыты ее живо интересовали). Элино́р то ли не знала о таком, то ли не боялась. Другими словами, готова была ехать куда угодно.

Теодора (она обходилась одним этим именем, без фамилии; наброски подписывала «Тео», а в телефонной книге, на двери дома, в витрине магазинчика, под очаровательной фотографией хозяйки над камином и на ее тонированной почтовой бумаге значилось «Теодора») — так вот, Теодора была полной противоположностью Элино́р. Долг и ответственность она предоставляла герлскаутам. Ее мир состоял из удовольствий и пастельных тонов; в список доктора Монтегю она попала, потому что — со смехом войдя в лабораторию и обдав всех ароматом цветочных духов — как-то умудрилась (к собственному растущему восторгу) правильно назвать восемнадцать из двадцати, пятнадцать из двадцати, девятнадцать из двадцати карточек, которые показывал ассистент в соседней комнате. Беспрецедентное достижение Теодоры сохранилось в архивах лаборатории и неизбежно должно было попасть на глаза доктору Монтегю. Письмо от него ее позабавило, и она ответила из любопытства (а может, то спящее в Теодоре знание, которое помогло ей угадать символы на карточках за стеной, потянуло ее к Хилл-хаусу), но с твердым намерением отказаться. Тем не менее —

возможно, из-за того же бередящего чувства, — получив от доктора Монтегю второе письмо, она потеряла покой и почти сразу закатила беспричинный скандал прелестному существу, с которым вместе снимала комнату. С обеих сторон прозвучали оскорбительные слова, какие может загладить лишь время. Теодора безжалостно разбила очаровательную статуэтку — свой портрет работы прелестного существа, а прелестное существо нещадно изорвало в клочки томик Мюссе, полученный от Теодоры на день рождения, в особенности страницу с нежной, иронической дарственной надписью. И то и другое было, разумеется, совершенно непростительно; прежде чем они смогут посмеяться над происшедшим, должно было пройти хотя бы несколько недель. Теодора в тот же вечер написала доктору Монтегю, что принимает приглашение, и отбыла на следующий день в холодном молчании.

Люк Сандерсон был лгунишкой. И вором. Его тетка, владелица Хилл-хауса, любила говорить, что у племянника лучшее образование, лучшие костюмы, лучший вкус и худшие друзья, каких только можно вообразить. Она ухватилась бы за любую возможность сплавить его куда-нибудь на несколько недель. Семейный адвокат, узнав о целях доктора Монтегю, потребовал, чтобы в доме вместе с ним для порядка поселился кто-нибудь со стороны хозяев, а доктор при первой же встрече разглядел в Люке некую силу или, вернее, кошачий инстинкт самосохранения, после чего воз-

желал заполучить Люка в помощники с тем же пылом, с каким миссис Сандерсон хотела от того избавиться. Так или иначе, Люк нашел это решение забавным, его тетка вздохнула с облегчением, а доктор Монтегю был более чем доволен. Семейному адвокату миссис Сандерсон сказала, что по крайней мере в Хилл-хаусе Люку нечего будет красть: фамильное серебро представляет определенную ценность, но едва ли соблазнит ленивого племянника.

Миссис Сандерсон была несправедлива к Люку: он не стал бы воровать серебряные ложки, или часы доктора Монтегю, или браслет Теодоры. Его нечестность ограничивалась тем, что он таскал у тетки из бумажника мелкие купюры и жульничал за карточным столом. Еще Люк имел привычку обращать в наличность часы и портсигары, которые ему, мило краснея, дарили тетушкины приятельницы. Со временем он должен был унаследовать Хилл-хаус, но никогда не предполагал там жить.

3

— Я бы вообще не давал ей машину, — объявил муж сестры.

— Это и моя машина, — возразила Элинор, — мы купили ее в складчину.

— И все равно я считаю, что не надо давать, — повторил муж сестры, обращаясь к жене. — С ка-

кой стати она будет раскатывать на ней все лето, а мы останемся без машины?

— Керри постоянно водит, а я никогда, — упорствовала Элино́р. — И вообще вы на все лето едете в горы, там вам машина не нужна. Керри, ведь вы же не будете пользоваться машиной в горах?

— А если бедная Линни заболит? И надо будет везти ее к врачу?

— Машина наполовину моя, — сказала Элино́р, — и я ее возьму.

— А если заболит Керри? Если мы не сможем найти врача и придется ехать в больницу?

— Мне нужна машина, и я ее возьму.

— Об этом не может быть и речи, — с растяжкой проговорила Керри. — Мы даже не знаем, куда ты собралась. Ты не соблаговолила поставить нас в известность. В таких обстоятельствах я не могу дать тебе мою машину.

— Это и моя машина.

— Нет, — отрезала Керри. — Ты ее не возьмешь.

— Верно, — кивнул муж сестры. — Керри же объяснила — машина нужна нам самим.

Керри самую чуточку улыбнулась.

— Я никогда себе не прощу, Элино́р, если дам тебе машину и что-нибудь случится. С какой стати мы должны доверять этому доктору? Ты еще довольно молода, а машина стоит больших денег.

— Вообще-то, Керри, я звонил Гомеру в кредитный отдел — он сказал, что этот док-

тор и впрямь работает в каком-то там колледже...

Керри, все с той же улыбкой, перебила мужа:

— Конечно, у нас нет оснований не верить в его порядочность. Однако Элино́р не соблаговолила сказать, куда едет и как с ней связаться, если нам потребуется машина. Случись что, мы вообще концов не найдем. Даже если Элино́р, — продолжала она вкрадчиво, обращаясь к чайной чашке, — даже если Элино́р готова мчаться на край света, это еще не значит, что я должна давать ей свою машину.

— Она наполовину моя.

— А если бедная Линни заболеет? В горах? Где нет ни одного врача?

— И вообще, Элино́р, я поступаю, как сказала бы мама. Она мне доверяла и уж точно не позволила бы отпускать тебя неведомо куда на моей машине.

— Или, допустим, я заболею, в горах...

— Я совершенно уверена, Элино́р, что мама меня поддержала бы.

— И к тому же, — муж сестры внезапно отыскал решающий аргумент, — где гарантии, что ты ее не разобьешь?

Все когда-нибудь бывает первый раз, сказала себе Элино́р. Было раннее утро. Она вылезла из такси, дрожа при мысли, что у сестры и ее мужа как раз сейчас могли закрасться первые подозрения, и быстро вытащила чемодан, пока таксист